

м о л о д а я г . в а р д и я

**ежемесячный
литературно -
художественный
общественно-
политический
научно-популярный
журнал ЦК ВКП(б)
и ЦК ВЛКСМ**

РЕДАКЦИЯ:

А. КАРАБАЕВА
(отв. редактор)

М. КОЛОСОВ
(зам. отв. ред.)

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

П. БИРЮЛИН

Г. КИШ

С. САЛТАНОВ

**январь
книга
первая**

Отв. секретарь редакции
В. РЕГИНИН

**П о д и з д а н и я
Ч Е Т Ы Р Н А Д Ц А Т Ы Й
1 9 3 5**

м о л о д а я г в а р д и я

МОЛОДОЙ ЧЕХОВ

БИЛЕТ

Приметы:

Лета — 19
 Рост — 2 арш. 9 верш.
 Волосы } русые
 Брови }
 Глаза — карие
 Нос } умеренные
 Рот }
 Лицо продолговатое, чистое.
 Особые приметы — под волосами шрам.

Предъявитель сего Екатеринославской губернии, гор. Таганрога, мещанин, Антон Павлович Чехов, отпущен от Таганрогской мещанской управы для местожительства в разных губерниях России сроком от нижесписанного числа впредь на один месяц.

Если же он в течение льготного месяца не явится, поступлено будет по закону.

Мещанский староста И. Внуков

Дан второй день августа 1879 г. № 1278

«...ПЕРЕДО мною был молодой и еще более моложавый на вид человек, несколько выше среднего роста, с продолговатым, правильным и чистым лицом, не утратившим еще характерных юношеских очертаний. В этом лице было что-то своеобразное, что — я не мог определить сразу, и что впоследствии, по моему очень метко, определила моя жена. По ее мнению в лице Чехова, несмотря на его несомненную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушно деревенского парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова светились одновременно мыслью и какой-то особенной, почти детской, непосредственностью. Простота всех движений, приемов и речи была господствующей чертой во всей его фигуре, как и в его писаниях» (В. Г. Короленко, «Памяти А. П. Чехова». Сборник «О Чехове», М., 1910 г.).

«В Москву Антон Павлович приехал в конце 1879 г. В июне этого года он кончил таганрогскую гимназию. В семье Чеховых личность юнца ютошла с этого момента на задний план. Воля Антона сделалась доминирующей. В нашей семье появились вдруг неизвестные мне дотоле резкие отрывочные замечания: «Это неправда», «Нужно быть справедливым», «Не надо лгать» и т. д. (М. П. Чехов, «Вокруг Чехова», «Academia», М., 1933).

20 августа 1880 г. Чехов поступил на медицинский факультет Московского университета. «Он был хорошим товарищем, общей студенческой жизнью очень интересовался, часто ходил на собрания и сходки, но активного участия в общественной и политической жизни студенчества не принимал и был всецело захвачен

литературными интересами» (М. Членов, «А. П. Чехов и медицина», «Русские ведомости», 1904, № 91).

«Я писал маленькие рассказы, а их долго не принимали. Считали не настоящим делом» (С. Щ., «Из воспоминаний об А. П. Чехове», «Русская мысль», 1911, кн. 10-я).

«Принесешь в редакцию рукопись, так ее даже читать не хотят. Только посмотрят с пренебрежением. Что? Это называется — произведение? Да ведь это короче воробьиного нос! Нет, нам таких штук не надо». Имя мое сделали нарицательным. Так и острили бывало: «Эх, вы, Ч-е-х-о-в-ы!» Должно быть, это было смешно» (из воспоминаний А. И. Куприна).

«...Бывало я хаживал в «Будильник» за трехрублевой раз по десяти» (из письма А. П. Чехова к М. А. Лейкину, 5 сентября 1883 г.).

«За свой роман «Драма на охоте», печатавшийся в «Новостях дня» в 1884 г., Антон должен был получать по 3 рубля в неделю. Бывало придешь в редакцию, ждешь, ждешь, когда газетчики принесут выручку.

— Чего вы ждете? — спросит наконец издатель.

— Да вот получить три рубля.

— У меня их нет. Может быть, вы билет в театр хотите или новые брюки? Тогда сходите к портному Аронтрихеру, и возьмите у него брюки за мой счет» (М. П. Чехов, «Вокруг Чехова»).

«Я писал, как птица поет. Сяду и пишу. Я мог писать, когда угодно. Написать очерк, рассказ, сценку мне не стоило никакого труда. Я, как молодой теленок или жеребенок, выпу-

щенный на зеленый и светлый простор, прыгал, скакал, брыкался, махал хвостом, мотал смешно головой. Смеялся сам и смешил окружающих. Я брал жизнь и, не задумываясь над нею, тормозил ее туда и сюда. Щипал ее, щекотал, хватал за бока, тыкал пальцем в бока, подпрудь, хлопал по животу. Было самому весело, и со стороны, должно быть, выходило очень смешно» (из воспоминаний о Чехове Г. С. Петрова).

«Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы? Вот.

Он оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь, — это оказалась пепельница, — поставил ее передо мною и сказал:

— Хотите, завтра будет рассказ, заглавие — «Пепельница»?

И глаза его засветились весельем. Казалось, над пепельницей начинают уже роиться какие-то неопределенные образы, положения, приключения, еще не нашедшие своих форм, но уже с готовым юмористическим настроением» (В. Г. Короленко о Чехове).

«Я газетчик, потому что много пишу. Но это временно. Оным не умру. Коли буду писать, то непременно издадека, из щелочки... Не завидуй, братец, мне. Сто рублей, которые я получаю в месяц, уходят в утробу, и нет сил переменить свой серенький и неприличный сюртук на что-либо менее ветхое» (из письма А. П. Чехова к брату Александру, 19 мая 1883 г.).

«ТОСТ ПРОЗАИКОВ

(Тост А. П. Чехова на банкете в день двадцатилетия журнала «Будильник»)

Не моя вина, если требуемый от меня тост заставит вас нахмуриться и если мой веселый сосед потянет меня за рукав и призывает к порядку. Я смущен, коллеги, и не весело мне. Если бы не было обычая на юбилейных обедах смеяться, то я пригласил бы вас плакать.

Если человек прожил двадцать лет, то он еще так молод, что ему запрещают жениться; если же журнал перевалил через двадцать лет, то его ставят в пример долговечности. Это раз. Во-вторых, журнал прожил двадцать лет, а среди нашей обедающей братии нет ни одного, который имел бы право назвать себя ветера-

ном «Будильника», нет, кажется, ни одного, который мог бы сказать, что он работал в нашем журнале более десяти лет. Журналы не долговечны, пишущие еще недолговечнее. Прожил «Будильник» только двадцать лет, а попал уже в старости и пережил чуть ли не двадцать поколений сотрудников. Словно индийские племена исчезали одно за другим эти поколения.

Где же юни? Одни умерли. Другие сбежали. Я видел третьих, которые просто сознавались, что они отупели. Не стану я объяснять этой недолговечности, но ею берусь объяснить многое. Объясняю я это такое печальное явление, как отсутствие окрепших, сформировавшихся и определившихся талантов, объясняю отсутствие школ и руководящих традиций. Но что наиболее всего смущает меня, так это то, что та же самая недолговечность является симптомом жизни тяжелой, нездоровой.

Если коллеги, этот порядок, тянувшийся в течение двадцати лет, естественен и имеет своим конечным пунктом благо, то пусть он и остается. Если же он явление болезненное и указывает только на нашу слабость и неумение выходить из борьбы целым, то пусть он уступит свое место другому порядку.

За новый порядок! За нашу цельность».

«...У вас настоящий талант — талант, выдвигающий вас далеко из круга литераторов нового поколения. По разнообразным свойствам вашего несомненного таланта, верному чувству внутреннего анализа, мастерству в описательном роде, чувству пластичности — я уверен, вы призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий. Для этого вот что нужно: уважение к таланту, который дается редко. Бросьте срочную работу. Я не знаю ваших средств; если у вас их мало, голодайте лучше, как мы в свое время голодали, поберегите ваши впечатления для труда обдуманного, обделанного, писанного не в один присест, но писанного в счастливые часы внутреннего настроения» (из письма Д. В. Григоровича к А. П. Чехову, 25 марта 1886 г.).

«...Если у меня есть дар, который следует уважать, то какою перед чистотою вашего сердца — я доселе не уважал его. Я чувствовал, что у меня есть, но привык считать его

ничтожным... Доселе относился я к своей литературной работе крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего рассказа, над которым я работал бы более суток, а «Егеря», который вам понравился, я писал в купальне, — как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно, нисколько не заботясь ни о читателе, ни о себе самом. Писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщательно прятал.

Вся надежда на будущее. Мне еще только двадцать шесть лет. Может быть, успею что-нибудь сделать, хотя время бежит быстро» (из письма Чехова к Григоровичу).

«...Очерков, фельетонов, глупостей, водевилей, скучных историй, многое множество ошибок и несообразностей, пуды исписанной бумаги, академическая премия, житие Потемкина — и при всем том нет ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное литературное значение. Была масса форсированной работы, но не было ни одной минуты серьезного труда. Мне страстно хочется спрятаться куда-нибудь лет на пять и занять себя кропотливым, серьезным трудом. Мне надо учиться, учить все с самого начала, ибо я как литератор грубый невежда; мне надо писать добросовестно, с чувством, с толком, писать не по пяти листов в месяц, а один лист пять месяцев» (из письма А. П. Чехова к А. С. Суворину).

Так растет в молодом Чехове страстное стремление уйти в большую работу. Перед ним возникают проблемы, поставленные в порядок дня русской общественностью конца восьмидесятых годов. В Чехове идет внутренний очень сложный процесс осознания тех моральных основ, на которых он будет пытаться строить свое мирозерцание, полагая, что он призван остаться «свободным художником и только». И отражением этого процесса являются замечательные строки из его письма к брату Николаю «о воспитанных людях».

«...Воспитанные люди уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы, они сострадательны не к родным только нищим и кошкам. Они болеют душою и от того, чего не увидишь простым глазом. Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках.

Они не рисуются. Они не пускают пыль в глаза меньшей братии. Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают. Они не суетны. Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой. Они горды своим талантом. Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться с керосинки. Они стараются возможно укоротить и облагородить половой инстинкт. Они не трескают походя водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи. Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, не достаточно прочесть только Пиквика и вызубрить монолог из Фауста. Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля».

И как итог размышлений о той этике и вместе с нею эстетике, которая выражает одну из основных черт молодого Чехова, — письмо, указывающее на новый этап в росте чеховского мирозерцания. Письмо о борьбе с внутренним рабом:

«Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чиновничестве, целовании поповских рук поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая».

Дальнейший рост чеховского сознания шел всегда и неизменно по пути освобождения от «внутреннего раба». И великий художник, говоривший о себе, что его будут читать только лет пять или шесть, но вместе с тем указавший, что пути, проложенные им в литературе, будут целы и невредимы, — Чехов завершил свой творческий подвиг сознанием, что в его жилах течет не рабская, а настоящая человеческая кровь...